
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КНИГА О ПЕРВОМ РЕКТОРЕ ТРЕТЬЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

К 210-летию университета издательство РГПУ им. А. И. Герцена готовит несколько публикаций, среди которых книга «Первый ректор Третьего педагогического института в Петрограде. Страницы биографии Альберта Петровича Пинкевича», написанная профессором кафедры истории Валерием Степановичем Волковым. Редакция журнала обратилась к автору с просьбой познакомить читателей со своей работой. Публикуем ответы на предложенные ему вопросы.

Вопрос: Валерий Степанович, не могли бы Вы познакомить будущих читателей с концепцией книги?

Ответ: С удовольствием. Но вначале кратко скажу о герое книги. Альберт Петрович Пинкевич (1883–1937) в 1918 г. был председателем Организационного комитета по созданию в Петрограде Третьего педагогического института, а в 1918–1923 гг. возглавлял его в качестве ректора. Не думая о такой должности, Пинкевич пришел к ней тернистым путем. Его отец, Петр Маркович Пинкевич, за участие в восстании за независимость Польши, входившей в состав Российской империи, в 1963 г. был выслан царскими властями в Уфимскую губернию, где и жил до конца дней. В 1883 г. у него родился сын, которого назвали Альберт-Адам. После окончания в 1902 г. гимназии в Уфе Альберт поступил в Казанский университет. В 1904–1907 гг. он активно участвовал в антиправительственном революционном движении, вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, подвергался арестам, отбывал тюремное заключение, был изгнан из университета. В 1908 г. получил разрешение сдать экстерном экзамены по университетскому курсу, с чем блестяще справился к маю 1909 г. В том же году он получил назначение на работу преподавателем естествознания в земскую учительскую школу в г. Вольск Самарской губернии, где и проработал до 1914 г. В эти годы он подготовил и издал учебники по природоведению и методике преподавания естествознания. От политической деятельности он отошел, но зато увлекся литературным творчеством, публикуя рассказы под псевдонимом Адам Бельский. В 1914 г. Пинкевич с семьей переехал в Петроград, где преподавал

в Тенишевском училище и губернской земской учительской школе. В 1917 г. вновь вернулся к политической деятельности, войдя в группу меньшевиков-интернационалистов. В октябре 1917 г. резко осудил захват большевиками власти, со страниц газеты «Новая жизнь», издаваемой А. М. Горьким, бичевал их за авантюризм и диктаторские действия. Однако под влиянием политических обстоятельств с весны 1918 г. изменил свою позицию, пошел на компромисс с советской властью, стал работать в совете экспертов при губернском отделе народного образования, где пропагандировал идею высшего педагогического заведения нового типа. Органы власти ее поддержали. Так он оказался руководителем Третьего педагогического института, в 1920 г. получившего имя А. И. Герцена. В 1920/1921 учебном году он находился в командировке в Екатеринбурге, где возглавил работу по созданию Уральского университета и был его ректором. В 1924 г. А. П. Пинкевич был переведен в Москву, где в 1924–1930 гг. работал ректором Второго московского государственного университета (теперь — Московский педагогический государственный университет), в 1932–1936 гг. — председателем Высшего учебно-методического совета Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию. В 1937 г. безвинно пал жертвой репрессий. Альберт Петрович был крупным ученым-педагогом, вместе с А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, П. П. Блонским, В. Н. Шульгиным закладывал основы советской школы педагогики. Им опубликовано свыше 350 работ по общим проблемам педагогики и методике преподавания естествознания, учебников и учебных пособий.

Теперь о концепции книги. Она складывалась постепенно по мере выявления и изучения источников, запечатлевших жизненный путь Пинкевича. Первоначально автор ограничивался скромной задачей — собрать сведения и рассказать, что за человек стоял во главе Педагогического института им А. И. Герцена в 1918–1923 гг., какой след оставил он в истории. О Пинкевиче имелись публикации, в которых оценивалось его теоретическое педагогическое наследие, содержались некоторые сведения биографического характера. Пришлось тщательно обследовать фонды архивов, изучить многочисленные газеты и журналы, прежде чем стала проясняться картина жизни Пинкевича. А для ее реконструкции потребовалась и определенная концепция.

Подчеркнем, что к изучению истории мы подходим с позиций диалектического материализма в глубоком убеждении, что в сравнении с другими методами познания он обладает наибольшими эвристическими возможностями. Отправная идея книги заключается в том, что жизненный путь героя обусловлен объективными причинами, однако сам он обладал определенными природными задатками, волей, интересами, ценностными ориентациями и не был пассивным продуктом обстоятельств. Напротив, его устремления определяли генеральную линию его жизненного пути, хотя под влиянием обстоятельств он ее корректировал, порой весьма радикально. В соответствии с этой идеей особое внимание в книге уделено переломным этапам в биографии А. П. Пинкевича, когда он оказывался в ситуации выбора. Например, поступив в университет, он решал, к какой группе студентов примкнуть — к «академистам» или «политикам». В 1907 г. перед ним встал вопрос: продолжать ли жизнь профессионального революционера или отойти от политики и отдаться профессиональной деятельности. В 1917–1918 гг. перед ним возникла дилемма: признавать ли советскую власть или оставаться по отношению к ней в жесткой оппозиции, в 1921–1923 гг. — вступать или не вступать в Коммунистическую партию, и т. д.

Работая над книгой, ее автор исходил из того, что деятельность А. П. Пинкевича необходимо рассматривать как звено в системе сложных человеческих отношений, прежде всего в кругу его единомышленников, соратников, оппонентов, противников, его начальников и его подчиненных. Отсюда интерес к окружению Пинкевича, «населенность» пространства книги

многими действующими лицами. В ней есть даже раздел под заголовком «Мережковский здесь — Мережковский там. Гиппиус здесь — Гиппиус там»: на жизненном пути Альберту Петровичу встречались двое Мережковских и двое Гиппиусов.

Поскольку книга посвящена ректору Третьего педагогического института, ее автор, руководствуясь принципом историзма, ставил своей задачей объяснить, как и почему провинциальный учитель из захолустного Вольска оказался ректором института, ставшего через 4–5 лет после основания флагманом педагогического образования в стране. Другой задачей было исследование того, как работа в Герценовском институте повлияла на последующую жизнь Альберта Петровича.

В общем можно сказать, что, начиная работу над книгой, ее автор «даль туманную романа сквозь магический кристалл еще неясно различал», но, тем не менее, не плыл без руля и ветрил по морю фактов биографии А. П. Пинкевича.

Вопрос: Какое место в жизни А. П. Пинкевича заняла работа в Педагогическом институте им. А. И. Герцена?

Ответ: Третий педагогический институт в Петрограде — детище советской власти. Он учрежден по решению ее высших органов во второй половине 1918 г. К должности ректора этого учебного заведения Альберта Петровича вели две дороги: дорога профессионально-педагогическая и дорога политической деятельности. По двум дорогам человек не может идти одновременно, но он может временно переходить с одной на другую, а затем возвращаться на первую и по ней продолжать свой путь. Бывает, что дороги сливаются, и тогда можно двигаться по двойной колее. Так происходило и у Пинкевича. Работая преподавателем в Вольске, затем в Петрограде в знаменитом Тенишевском коммерческом училище и в губернской земской учительской школе, публикуя педагогические статьи, учебники по природоведению и методике преподавания естествознания, он приобрел известность среди методистов и учителей. В 1915–1917 гг. он был приглашен А. М. Горьким сотрудничать в журнале «Летопись», где публиковал политические обзоры и рецензии на естественнонаучную и педагогическую литературу. Он выработал свой взгляд на проблемы образования в России. Этот путь приближал его к будущему педагогическому институту. Но его выдвижение на пост организатора института было

подготовлено также и его политической деятельностью. В 1905–1907 гг. он состоял в Российской социал-демократической рабочей партии, работал вместе с большевиками в Казани, Уфе, Самаре, Екатеринбурге, Петербурге, Луганске. Здесь он познакомился со многими революционерами: А. В. Луначарским, В. Д. Бронч-Бруевичем, Н. К. Крупской, К. Т. Новгородцевой (женой Я. М. Свердлова), З. И. Лилиной, В. Р. и Л. Р. Менжинскими, К. Е. Ворошиловым и др. Затем он отошел от партии, но в 1917 г. вновь окунулся в политическую борьбу, правда, в рядах меньшевиков-интернационалистов, группировавшихся вокруг издаваемой А. М. Горьким газеты «Новая жизнь». Как известный педагог и сотрудник влиятельной газеты он был включен в созданный Временным правительством государственно-общественный орган — Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения, в котором играл руководящую роль. Именно в период работы в комитете у него и появилась мысль организовать высшее учебное заведение, в котором на прочной общенаучной базе осуществлялась бы подготовка педагогов. Меньшевики-интернационалисты в блоке с большевиками летом 1917 г. выступали на выборах в Петроградскую городскую думу. Альберт Петрович был избран гласным думы и при поддержке большевиков стал членом городской управы — одним из 22 «отцов города» — и курировал народное образование. А. В. Луначарский был заместителем председателя городской думы (городского головы). Пинкевич восстановил дружеские связи с видными большевиками, хотя политически резко разошелся с ними после Октябрьской революции. После революции А. В. Луначарский стал народным комиссаром просвещения России, З. И. Лилина — народным комиссаром просвещения Союза коммун Северной области. Они предложили Пинкевичу сотрудничество без политических условий — войти в Совет экспертов при Наркомпросе Северной области, где он стал председателем. Как уже говорилось, в совете идея создания педагогического вуза получила дополнительное обоснование и была поддержана наркомпросами. Для создания института был образован организационный комитет, председателем которого был утвержден А. П. Пинкевич. С этого поста он вполне обоснованно переместился на должность ректора нового института, который официально был открыт 17 ноября 1918 г.

В отличие от «старых» вузов, где существовали сложившиеся традиции, Третий педагогический институт создавался заново. Поэтому Альберт Петрович сумел воплотить в его деятельность разработанные им принципы, подбирал преподавателей, способных их реализовать, на руководящие посты (проректоров, деканов) им были привлечены хорошо известные ему по общественно-политической деятельности (В. А. Десницкий-Строев, А. Е. Кудрявцев) или по педагогической работе (С. П. Аржанов, Г. М. Фихтенгольц, П. А. Коломийца) люди. Работал он творчески и самозабвенно, что высоко оценивали его коллеги и студенты. Выступая на заседании совета института 4 сентября 1920 г., когда обсуждался вопрос о возможном переходе Альберта Петровича в Уральский университет, декан факультета новых иностранных языков А. А. Брок назвал его «мозгом и душой института». О работе А. П. Пинкевича в должности ректора педагогического института в книге рассказано довольно обстоятельно. Ознакомившись с соответствующей главой, читатели, надеюсь, убедятся в том, что в словах А. А. Брока не было преувеличения.

Возглавляя институт, Альберт Петрович завоевал уважение в среде научно-педагогических работников и общественности. Его высоко ценили и органы власти. Не случайно, когда в 1920 г. правительство России решило создать университет в Екатеринбурге, он был назначен председателем оргкомитета, а затем ректором Уральского университета. В Педагогическом институте им. А. И. Герцена он в это время считался находящимся в командировке, а обязанности ректора исполнял А. И. Буковецкий.

Успешная работа в должности ректора Педагогического института послужила аргументом в пользу кандидатуры Пинкевича, когда решался вопрос об избрании заместителя председателя Петроградской комиссии по улучшению быта ученых (председателем был А. М. Горький). Работа в Педагогическом институте им. А. И. Герцена стала для А. П. Пинкевича стартовой площадкой для последующего восхождения на более высокие ступени служебной лестницы и для взлета его теоретической деятельности в области педагогики. Однако его последующая жизнь не была безоблачной. Поэтому раздел книги о работе Альберта Петровича в Москве назван «Вверх и вниз по служебной лестнице».

Вопрос: Года два назад, когда работа над рукописью была далека от завершения, Вы, шутя, говорили, что следующая Ваша книга будет называться «Загадки биографии Пинкевича». Удалось ли Вам сократить число загадок?

Ответ: Прежде всего скажу, что загадки остались, но их стало меньше. Некоторые удалось разгадать полностью, некоторые, как иногда говорят, в основном. Например, никак не удавалось проследить по документальным источникам, почему Пинкевич отошел от РСДРП в 1908 г. Зная, чем обернулось для него участие в революционной борьбе в Казани (жестокое избивание полицейскими и казаками с травмой черепа и лица, тюремное заключение, изгнание из университета, нелегальное существование впроголодь под чужим именем, без постоянного жилья и т. д.), можно было предположить, что молодой человек предпочел спокойную благополучную жизнь, семейное счастье, работу по специальности, которая нравилась. Но, имея уже некоторое представление о личности Альберта, мы не могли удовлетвориться этим объяснением. В ходе поиска ответа мы попытались найти подсказку в художественных произведениях А. П. Пинкевича, в которых находили отражение его личные переживания. Два из них — «Михаил» и «Пленная мысль» посвящены как раз исследованию мотивов отхода революционера от политики. Особенно интересен рассказ «Пленная мысль», где повествуется о студенте, который решил выйти из революционной партии. Как и автор рассказа, он побывал в тюрьме, узнал и революционеров и контрреволюционеров. Узнав, отказал в правомерности, оправданности как революционного, так и контрреволюционного террора, а главное, он осознал, что принадлежность к партии лишает его свободы: свободы распоряжаться своей судьбой (солдат партии!) и свободы мысли (обязанность разделять идеи программы партии). Когда нам удалось найти письмо друга Пинкевича Ю. Денике, тоже отошедшего от РСДРП, мы убедились, что для Пинкевича свобода мысли была в то время выше революционного долга.

Мы долго искали объяснение тому факту, что в ноябре 1923 г. Центральный комитет РКП(б) принял Пинкевича (бывшего противника большевиков) в ряды партии без прохождения кандидатского стажа. Такого доверия, такой чести удостоивались единицы — одним из последних был Ю. А. Гагарин, причем он все-таки был кандидатом в члены КПСС, а приняли его до истечения кандидатского стажа. На страни-

цах книги в разделе «Роковой выбор» мы изложили результаты своего «расследования».

Еще одна загадка — изменение отношения к нему А. М. Горького. В 1913 г. между Пинкевичем и Горьким завязалась переписка, с 1915 г. Альберт Петрович стал сотрудничать в журнале «Летопись», затем в газете «Новая жизнь». Он стал ближайшим сотрудником Горького в издательстве «Всемирная литература», в комиссии по улучшению быта ученых. У них сложились теплые дружеские отношения. Когда в 1921 г. Горький уехал за границу, он поручил Пинкевичу руководство комиссией. Их переписка преисполнена чувствами сердечности, искренности, полного взаимного доверия. И вдруг с лета 1922 г. Горький перестал отвечать на письма Альберта Петровича. Пять лет Пинкевич буквально со слезами упрашивал великого писателя открыть причину разрыва, но так и не дождался откровенного объяснения. В книге, опираясь на разные источники, мы высказали, как нам кажется, убедительную гипотезу истоков этого драматического для Пинкевича события.

В книге приведены и результаты других подобных разысканий, например, таких, как маленькая победа Пинкевича в заочном столкновении со Сталиным.

Вопрос: О чем рассказывается в главе с интригующим названием «Шестнадцать душ профессора Пинкевича»?

Ответ: В качестве названия этой главы использована цитата из письма А. П. Пинкевича А. М. Горькому от 27 октября 1921 г. В нем Альберт Петрович сетовал на перегруженность работой и перечислял свои многочисленные обязанности: ректор и профессор института, член Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР, заместитель председателя Петроградской комиссии по улучшению быта ученых, член редколлегии педагогических журналов, сотрудник издательства «Всемирная литература» и издательства З. Н. Гржебина, исследовательская работа, подготовка книг к печати и т. д. Сообщив кратко о некоторых направлениях своей деятельности, Альберт Петрович подытожил: «Так и идут дела. Некогда остановиться и одуматься... Не две души во мне, а душ 16, говоря Вашими словами». Шутливое выражение о многочисленных душах возникло под влиянием статьи Горького «Две души». В названной главе рассказывается о работе Пинкевича в комиссии по улучшению быта ученых, в издательствах, о его педагогических исследо-

ваниях, а в разделе с названием «Я сейчас плачу, как и над первым письмом. Душа страдающая» — об осложнениях во взаимоотношениях с А. М. Горьким.

В книге в качестве названий разделов неоднократно использовались цитаты из писем Альберта Петровича и его произведений, слова его адресатов. Например, «На огонь революции», «Не принадлежу я себе», «Без претензий на оригинальность взглядов», «Мозг и душа института», «В педагогике я шел не от теории к практике, а наоборот», «“Я пригласил в товарищи себе Десницкого-Строева, А. П. Пинкевича” (из письма А. М. Горького)». На наш взгляд, они достаточно точно указывают главную идею раздела и придают повествованию колорит документальности.

Вопрос: Как Вы оцениваете место А. П. Пинкевича в истории отечественной педагогики?

Ответ: Примерно четверть книги посвящена научной деятельности А. П. Пинкевича. К ней мы подходим не как историк педагогики, а как биограф ученого. Поэтому нас интересовал не только (и даже не столько) результат его теоретической работы, сколько, говоря словами М. С. Горбачева, «человеческий фактор», т. е. мотивы теоретической работы Пинкевича, проявления в ней черт его личности, радости и горести, которые приносили ему занятия наукой. Горестей было немало: в 1930 г. дело доходило до обвинений его во «вредительстве на фронте просвещения», а в 1936–1937 гг. по нему прошел смертоносный каток «разоблачения» педологии. В книге на основе анализа педагогической литературы 1920–1930-х гг., в первую очередь публикаций самого Пинкевича, показано, что он шел в первой шеренге создателей советской педагогической системы. (И добавим с го-

речью, что под давлением сталинского режима он вместе со многими педагогами был вынужден придавать ей уродливый характер.) Поставленный Вами вопрос я задавал себе и сам, когда работал над заключением к биографии Пинкевича. В конце концов в результате поиска краткого ответа на вопрос о его месте в истории педагогики я написал следующее: «Если бы ему было суждено дожить до открытия Академии педагогических наук (а она была образована в 1943 г.), он более чем кто-либо имел основания стать ее первым президентом. В то время никто в СССР не мог сравниться с ним в знании мировой педагогической мысли, в осведомленности о достижениях педагогов-соотечественников, в понимании тенденций и задач развития образования в нашей стране». Известно, что в период образования Академии ее возглавил (по совместительству с должностью наркома просвещения РСФСР) В. П. Потемкин, в молодости преподававший в учебных заведениях Москвы, а с 1922 по 1940 г. находившийся на дипломатической работе и ставший наркомом после истребления в 1937–1939 гг. многих видных деятелей народного образования. В 1943 г. педагогов, равных рангом Пинкевичу, в стране уже не было. К сожалению, и книга завершается на скорбной ноте: ее последний раздел назван «Трагический конец».

В целом же со страниц книги перед читателем предстанет Альберт Петрович Пинкевич как один из ярких типов людей своей эпохи — эпохи острейших социальных конфликтов, войн, революций, глубоких сдвигов и перемен в духовной жизни российского общества. Надеюсь, что книга даст пищу для размышлений, а описанные в ней перипетии жизни Альберта Петровича Пинкевича пробудят у читателей благородные чувства.

НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ: СЛУЧАЙ ДИНЫ РУБИНОЙ

Последние годы не умолкают дискуссии о современной женской прозе, активно заявившей о себе в конце 1980-х гг. Женская проза возникла как своеобразная реакция на женскую дискриминацию в литературе советской эпохи. Появление на литературном горизонте таких ярких и разных писательниц, как Людмила Петрушевская, Татьяна Толстая, Людмила Улицкая, Виктория Токарева, Галина Щербакова, Ольга Славникова, Дина

Рубина и др., сделало актуальным вопрос о том, что такое «женская литература», какое место занимает она в палитре современной словесности. Обозреватель «Новой газеты» Алла Боссарт на грустные восклицания критиков, что русская литература умерла, ответила статьей «Коллективно-го Достоевского в начале 21 века пишут женщины»: «Потребовались восемьсот лет и еще пара десятилетий, чтобы, замурованные в бастион рус-